

В. М. Дианова

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета

К ПОСТРОЕНИЮ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблема межкультурного взаимодействия рассматривается с учетом динамики исторического процесса. Анализируются различные методы культурологического исследования. Если в условиях локальных монокультур речь шла о диалоге-встрече, диалоге-взаимопонимании, то в период глобализации формируются поликультуры, взаимодействие и взаимопроникновение отдельных культур становится более глубоким, происходит отказ от требования следовать традициям. Процессы миграции, кризис былой идентичности (национальной, региональной, конфессиональной), возникновение космополитического мироощущения, осознание неравенства культур и сложного взаимодействия между ними, вспыхивающие конфликты между культурами – все это привело к выработке новых форм культурного взаимодействия, таких как гибридизация, метиссаж и транскультурация. Эти формы анализируются с целью выявления как позитивных, так и негативных следствий для конкретных культур.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, монокультура, поликультура, кризис идентичности, гибридизация, метиссаж, транскультурация.

Проблема межкультурного взаимодействия неисчерпаема для исследования, поскольку обращена к анализу подвижного, исторически изменчивого процесса. Каждая эпоха вносит свои изменения в этот процесс, что сказывается на используемом категориальном аппарате и своеобразии теоретического дискурса. И если в периоды существования локальных монокультур речь шла о диалоге-встрече, диалоге-взаимопонимании, то глобализационная эпоха предложила нам понятия, обозначающие процессы культурного взаимодействия более сложного характера. Эти процессы не всегда осознаваемы, порой спонтанны, механизмы их осуществления требуют детального изучения и признания в качестве неизбежных способов межкультурного взаимодействия, вызванных условия-

ми формирующегося глобального общества. Они все более активно дают о себе знать, наряду с так называемыми традиционными формами культурного взаимодействия, которые были предметом исследования предшествующих поколений историков и культурологов.

Если обратиться к проблеме взаимодействия и/или формирования отдельных локальных культур, то можно увидеть, что этот процесс осуществлялся по-разному. «Проблема диалога культур могла, казалось бы, возникнуть перед римлянами, но они попросту завоевали мир, присоединяя к себе все чужое и охотно перекраивая для себя, ставя в родных храмах статуи иноземных богов...»¹.

Приведем еще пример: французский историк Ле Гофф пишет о процессе вливания в европейский мир новых народов (так называемых варваров), начало которому можно исчислять с конца III в., т. е. с начального периода рождения европейской культуры: «В паре “варвары – римляне” произошла имплозия (взрыв, направленный внутрь закрытого пространства), в результате которого начали формироваться новые культурные и социальные сущности»². В результате возникла европейская культура, в которой, начиная с истоков, была заложена универсальность, или множественность. Подобные процессы происходили и в других регионах. Так, русская культура формировалась при непосредственном взаимодействии скандинавов и славянских племен, в результате их взаимовлияния формировались язык, специфика ремесел, бытовая культура, развивалась торговля. Конечно, стадии локальности культуры, не взирая на степень и характер интеграции составляющих ее элементов, всегда предшествуют процессы «сборки».

Теоретическое наследие культурфилософского плана свидетельствует о большом интересе исследователей к изучению локальных культур, достигших высокого уровня внутренней интеграции и имеющих длительный период существования. Можно обратиться за примерами к хрестоматийным текстам Н. Я. Данилевского (1822–1885), О. Шпенглера (1880–1936),

¹ Баткин Л.М. Итальянский гуманистический диалог XV века // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 220.

² Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007. С. 39.

А. Тойнби (1889–1975), в которых анализируются культуры, находящиеся в состоянии относительной стабильности. Эти мыслители исходили из того, что «каждой культуре присущ уже вполне индивидуальный способ видения и познания мира-как-природы, или – что одно и то же – у каждого *есть* своя собственная, своеобразная природа»¹. В этом случае возникал вопрос о диалогическом взаимодействии локальных культур, подчеркивалось и изучалось их своеобразие. Все формы культуры: художественное творчество, политическая деятельность, религия и др. выводились из особенностей конкретной культуры. Способы взаимодействия между культурами трактовались также различным образом: Данилевский писал о «пересадке», «прививке», «улучшенном питании»; Шпенглер настаивал на неповторимости и изолированности культур; Тойнби, обращаясь к теме социокультурного развития, предложил формулу «вызов-ответ», согласно которой рассматривалась способность творческого меньшинства раскрыть потенциальные возможности цивилизации и тем самым способствовать ее самоопределению и самовыражению через решение проблем, поставленных средой – внешним фактором.

Под влиянием идеи о локальности культур возникли теории диалога культур (слово «диалог» происходит от греческих *dia* – «два» и *logos* – «понятие», «мысль», «разум», «язык» и означает, следовательно, «встречу» двух сознаний, логик, культур). Идея диалога как бытия культур появилась лишь в XX в. Она принадлежит М. М. Бахтину (1895–1975), всемирно известному русскому философу, теоретику культуры, литературоведу, Бахтин исходил из представления о культурах как «личностях» (под влиянием работ Шпенглера), которые ведут между собой нескончаемый, длящийся в веках «диалог». Согласно Бахтину, бинарность – одна из универсальных структур всей действительности: социальной, культурной, психологической, языковой. По его мнению, жизнь по природе своей диалогична. «Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем те-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М. 1993. С. 289.

лом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум»¹.

Диалог можно рассматривать на разных уровнях: *лингвистически-семиотическом* (диалог как форма речевого общения, отличная от монолога), *дискурсивно-логическом* (диалог как средство для прояснения, выработки смысла, средство обретения истины), *коммуникативном* (диалог как средство восприятия, переработки, передачи готового смысла), *социально-психологическом* (диалог как форма социальной связи, общение), *экзистенциальном* (диалог как принцип человеческого существования, суть которого – выход за пределы личного бытия, диалог как отношение «человек-человек»), *культурологическом* (диалогичность как свойство культуры, диалог культур). Для данной статьи нам важна идея о том, что диалог – это не только вопросно-ответная форма мышления, не только авторский прием, но и само реальное бытие культуры, ее имманентная сущность, способ реализации ее функций.

Продуктивно разработанная Бахтиным тема диалога нашла свое продолжение в творчестве последующих российских мыслителей. Значительный вклад в развитие этой темы внес Ю. М. Лотман (1922–1993), который показал, что диалог оказывается уже не просто механизмом передачи готовых культурных смыслов, но *механизмом со-изменения* культур в процессе их взаимодействия и посредством их взаимодействия, механизмом *смыслопорождения*. Лотман отметил две побудительные причины диалогического взаимодействия: 1) нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные представления и ценности; 2) нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные представления и ценности. Первое он определяет как «поиск своего», второе – как «поиск чужого»².

Итак, импульсом к взаимодействию культур оказывается как сходство, так и различие. Лотман опроверг расхожую в одно время модель о прогрессивном развитии культур посред-

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 329.

² Лотман Ю.М. Семиосфера // Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур. СПб., 2010. С. 604–605.

ством наращивания культурных заимствований. Напротив, наблюдается, по его мнению, прямо противоположный процесс: каждый культурный шаг культурного развития увеличивает внутреннюю неопределенность локальной культуры как системы, придавая скачкообразную неожиданность ее следующему этапу. В этой связи можно привести пример своеобразного развития в XX в. Японии и Китая, которые продуктивно освоили не только западные экономические модели, но и многие культурные образцы, что в итоге привело к своеобразной гибридизации западной и восточной культур.

Некоторые идеи Лотмана носят провидческий характер. Не лишена актуальности и его мысль о том, что диалог культур не только подразумевает приятное взаимоотношение народов и их сближение, но может сопровождаться нарастанием неприязни к тому, кто в нем доминирует, и в этой связи может вызвать борьбу за духовную независимость. Излагая свои мысли в контексте семиотического подхода, он, в частности, доказывал, что вторжение внешних текстов играет роль дестабилизатора и катализатора, приводя в движение силы местной культуры, а не подменяя их.

Новый этап в развитии теории диалога связан с именем российского исследователя В. С. Библера (1918–2000), в творчестве которого не только отмечена значимость понимания культуры как диалога культур, но выявлены новые аспекты этой темы. Библиер учел изменения, произошедшие в жизни современных людей и приведшие к тому, что человек современной культуры «не имеет своего прочного культурного места, он современно культурен лишь в той мере, в какой способен каждый раз заново решать и перерешать все смыслы», т. е. способен жить на грани, на пересечениях, «между» разными возможностями, в горизонте разных культур одновременно. В этой связи возникла идея о «человеке культурном», которая пришла на смену идее «человека образованного и просвещенного»¹.

Грандиозными изменениями ознаменован XXI век: процессы миграции, кризис былой идентичности (национальной, региональной, конфессиональной), возникновение транснационального культурного пространства и космополитическо-

¹ Библиер В.С. Замыслы. М., 2002. С. 388, 384.

го мироощущения, характерного главным образом для людей элитной культуры, – все это побудило к выработке новых способов культурного взаимодействия и взаимопонимания.

Проблемы ассимиляции, толерантности, мультикультурализма, взаимовлияния и интеграции культурного опыта, сохранения традиций и отказ от них всегда имели место в историческом развитии народов. Однако сегодня эти проблемы как никогда обострились. Возможно, народы, живущие на планете, вступили в новый период «сборки», который продержится около тысячи лет и приведет к формированию действительно новой культуры на континенте и, соответственно, нового человека.

Главную характеристику современной эпохи составляют два противоречивых процесса. Процессам универсализации культуры препятствуют противоположно направленные действия, способствующие сохранению своеобразия локальных, традиционных культур, что приводит порой к нарочитой гипертрофии национального или этнического. Характеризуя эти противоречивые тенденции в современном мире, один из крупнейших социологов современности Э. Гидденс писал: «Главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью. В глобализирующемся мире, где информация и образы постоянно “путешествуют” по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы. Космополиты приветствуют и воспринимают это культурное многообразие. Фундаменталисты считают его тревожным и опасным явлением. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме – они ищут прибежище в обновленной и “очищенной” традиции, а зачастую и в насилии. Есть основания надеяться, что космополитическая точка зрения победит»¹. Эти идеи, высказанные еще в конце XX в., предшествовали тем сложным формам культурного взаимодействия, которые наиболее отчетливо проявились в XXI в. и были обозначены как гибридизация, метиссаж, транскультурация.

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.

Разработчиком концепции гибридизации, истоки которой относят к XIX в., является исследователь глобальных проблем и культуры, профессор Университета Калифорнии в Санта-Барбаре Я. Н. Питерсе. Он называет три глобализационно-культурные парадигмы, или перспективы, претворение которых возможно в современном мире: культурный дифференциализм, или продолжающееся различие; культурная конвергенция, или растущая похожесть; культурная гибридизация, или повсеместное смешение¹. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенции); будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе допущения о «столкновении цивилизаций») или же будет идти процесс их смешивания (гибридизация).

Первая из упомянутых Питерсе парадигм изложена в вызвавшей широкий отклик книге профессора Гарвардского университета С. Хантингтона (1927–2008) «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»². Рассматривая цивилизацию как наивысшее культурное образование, автор полагал, что в будущем мир будет все более дифференцироваться, и в результате возникнет семь-восемь локальных цивилизаций, взаимоотношения между которыми приведут к наиболее крупным по последствиям конфликтам, причем конфликты эти произойдут в результате присущих этим цивилизациям различий в сфере культуры, религии и традиций. Эти различия, по мнению Хантингтона, более существенны, нежели различия между идеологиями и политическими режимами, поскольку именно они разделяют цивилизации.

Вторая парадигма была изложена в свое время российским и американским социологом П. А. Сорокиным (1889–1968), который, прогнозируя развитие капитализма и социализма, писал о неминуемой их конвергенции.

¹ См.: *Pieterse I.N.* Globalization & Culture. Lanham: Rowman & Littlefield, 2009.

² См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order: New York: Simon & Schuster, 1996.

Питерсе отдает предпочтение третьей парадигме, полагая, что «концепция гибридизации предлагает противоядие от культурного дифференциализма расовых и националистических доктрин, так как берет за исходную точку тот опыт, который был в рамках этих теорий запретной темой. Она отвергает национализм, отдавая предпочтение пересечению культурных границ. Она подрывает политику формирования этнической идентичности и основы всяких притязаний на чистоту и исключительность, поскольку акцентирует размытость и подвижность культурных границ»¹.

Действительно, конфликт культур создает настоящую конфронтацию между западными (современными) и восточными (традиционными) ценностями в незападных странах. На сегодняшний день подобные ценностные противоречия представляют собой серьезную проблему. Европейские ученые сосредоточены на этом важнейшем вопросе, и некоторые из них высказывают мнение, что реальным разрешением противоречий между современными и традиционными ценностями было бы создание новой связи, которая могла бы быть названа «метиссажем (объединением) ценностей»². Этот метиссаж *западных и восточных ценностей* характеризуется прежде всего тем, что ни одна из сторон не будет ущемлена, но обе они объединятся в *новую структуру*. Метиссаж – это структура, которая не будет противоречить ни современности, ни традициям, но будет включать в себя обе эти компоненты. Эта структура будет содержать в себе сочетание ценностей разнообразных сфер жизни: культурной, общественной, политической и других.

Теория метиссажа представляет собой конкретизацию или же более глубокую разработку теории гибридизации применительно к незападным странам. Структурный метиссаж определяется своеобразием каждой отдельно взятой страны, ее исторической и культурной спецификой. Не существует

¹ Питерсе Я.Н. Глобализация и культура: три парадигмы // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 323; см.: Наумкин В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные отношения. Т.8. № 3(24). Сентябрь-декабрь, 2010.

² См.: Бабьер Р. Восемь моделей структурного метиссажа // URL: www.fr.univparis8.fr/researchens/accueilCRISE2.html.

универсальной модели метиссажа, в каждой из западных стран ситуация будет строго *индивидуальна*, поскольку каждое сочетание ценностей уникально с той точки зрения, что оно было создано в особое время, при особых условиях и в особом историческом контексте. Теория метиссажа опровергает возможность сохранения в настоящих условиях «собственно традиционного общества», ибо современность и ее ценности воздействуют на все страны, которые имеют отношения с Западом. Фактически, распространение западного влияния способствует формированию структуры метиссажа в западных странах и автоматически подталкивает их к столкновению с новыми проблемами, вызванными новой ситуацией. Это тот же процесс, который мотивирует их конкуренцию с Западом. На западе метиссаж ценностей как новый антропологический подход к вопросу культурного взаимодействия между странами является предметом всестороннего исследования. В Университете Парижа (сан-Дэни) исследовательская группа СК12Е и ее подгруппа СКЕМА сосредоточены на изучении последних результатов культурных контактов между Азией и Западом.

Перечисленные формы взаимодействия культур преодолевают их «закрытость», способствуют культурному взаимопроникновению. В этой связи стала активно использоваться в современной лексике приставка *транс-* (лат. «выход за пределы»), указывающая на переход границ, что характерно для новых форм хозяйствования или управления в сферах экономики, финансов, рынка и права, а также для случаев нарушения границ жанров, стилей, национальных традиций в художественной сфере, осуществляемых в межнациональном или другом межрегиональном формате. В результате формируется транскультурное пространство, понимаемое как пространство, в котором происходит взаимодействие разных культур, осуществляемое их носителями (субъектами). Пожалуй, более привычными для нас стали понятия «транснациональные корпорации», «транснациональные сетевые взаимодействия», нежели «транскультурность», которая подчас не имеет выраженной институализации и улавливается лишь как тенденция, набирающая силу в условиях глобализации. Формирование транскультурного пространства может способствовать взаимопониманию между культурами, налаживанию

диалога, поиску новых смыслов, может побудить индивидов приобщиться к ценностям других культур и при этом осознать своеобразие собственной культуры в инокультурном контексте, повысить уровень их толерантности и даже изменить базовую систему ценностей, но может вызвать и обратные реакции? Неприятие и отторжение другой культуры.

Все эти формы культурного взаимодействия являются не только предметом пристального изучения, но также и механизмами управления в реальной культурной политике.